

Линяніе міра.

„Линяніе или перемѣна покрыва — опаснѣйшій для живого организма період: обновленіе жизни происходит как бы в тѣни от распротертаго крыла смерти, грозящей гибелью перерождающемуся...”

В. Бельше.

І. ИСПАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Мір линяет. Здоровыя кѣтки его живой ткани приспособляются к неотвратимому болѣзненному процессу, пытаясь каждая по своему, преодолѣть нависшую угрозу омертвѣнія. Кѣтки неустойчивыя, неспособныя к сопротивленію мучительно лихорадят, борясь за новый покров в постоянном рискѣ гибели. Темп преображенія ускорен чрезвычайно. Настолько, что дает возможность за короткую человѣческую жизнь, даже на протяженіи ея отрѣзка наблюдать событія, требовавшія раньше грузной и медлительной инерціи исторіи.

Для глаз, не ослѣпленных пылью рушащихся громад, не заслоненных хаотически-первичной грязью и великим неуютом начальной стройки — развертывающійся тревожный и все ускоряющійся процесс представляет захватывающее зрѣлище. Его этапы принято теперь называть “опытами” с прибавленіем имен политических дѣятелей

картинами Гойа; вторых соблазняют историческія аналогіи. Полная революціонных бурь и кровавых междоусобиц испанская исторія дает в этом смыслѣ богатый выбор. Разительна аналогія с 1873 годом и на нее часто ссылаются англичаше, по ней гадая об исходѣ борьбы.

Гордая и замкнутая земельная аристократія не пожелала тогда поступиться на благо страны ни своими латифундіями, ни сословными привилегіями и оказывала сильнѣйшее давленіе на придворные круги. С ней долгіе годы боролись “новые люди” — представители городских классов со все растущим вліяніем. Спор рѣшила армія, на которую в минуту кризиса не могла опереться королева Изабелла II. Захватив с собою драгоцѣнности, королева уѣхала в Париж. Через пять лѣтъ покинул трон и смѣнившій ее Амедей Савойскій. Учредительные кортесы, избранные всеобщим голосованіем, провозгласили республику. Произошла безкровная революція, встрѣченная всенародным ликоваціем. В кортесах Сагаста — представитель землевладѣльцев — боролся с Рунсом Сориллей, вождем радикальных демократических теченій. Но безграмотный, фанатическій, нищій и нетерпѣливый народ не дал республиканской власти провести пужныя реформы: в Наваррѣ, Бискайѣ и Арагонѣ возстали крестьяне-карлисты в защиту автономіи и своих старинных прав и привилегій.

Вся Европа пришла в содроганіе от невиданных звѣрств испанской гражданской войны. Карлисты останавливали поѣзда и убивали пассажиров, сжигали селенія, умерщвляя всѣх жителей, подвергали пыткам плѣнных. Деньгами, оружіем и боевыми припасами возставших снабжали монархисты и клерикалы из сосѣдних стран. Среди рабочих, защищавших демократическую власть, возник раскол: на Сарагосском конгрессѣ коллективисты-авторитаріи доказывали необходимость безоговорочной поддержки республиканскаго правительства в его борьбѣ с вооруженной реакціей, но анти-авторитаріи (анархисты) требовали немедленнаго захвата фабрик, дѣлежа капита-

лов, передѣла земель, отказа от подчиненія центральной власти, созданія повсемѣстно вольных коммун. В мадридском журналѣ Бакунина "El Condenado" былъ провозглашенъ лозунгъ: "да здравствуетъ социальная ликвидація, интернаціоналъ, солидарность, анархія и коллективизмъ".

Андалузія была в руках анархистов. В Картагенѣ возстали матросы и вмѣстѣ с рабочими провозгласили независимую коммуну. Мятежныя суда под краснымъ флагомъ входили в порты и, угрожая разрушеніемъ городов, отбирали для картагенской коммуны провіантъ и боевыя припасы. В нѣдрах гражданской войны возникала новая кровавая междоусобица: в Севильѣ во время баррикаднаго боя социалисты убивали анархистов. В довершеніе всего в испанскую смуту вмѣшалась Пруссія: при блокадѣ Картагены ею были захвачены у коммуны два судна...

И все же "опытъ" 1873 года нисколько не похожъ на "опытъ" 1936 года. Участвующія в нем силы внѣшне подобны, но всѣ условія опыта и окружающая температура — рѣшающіе моменты для его результата — безконечно отличны. Испанская трагедія разыгрывается в эпоху социального переустройства міра. То, что в 1873 году казалось обреченнымъ на гибель утопическимъ бредомъ среди устойчиваго, цвѣтущаго творчески-мощнаго капиталистическаго міра, теперь влечетъ одних и отпугиваетъ другихъ возможностью реализаціи.

Но самымъ существеннымъ моментомъ, в корнѣ мѣняющемъ обстановку испанскаго опыта — является результатъ опыта Россіи.

Прошло двадцать лѣтъ с тѣхъ поръ, какъ детонація грандіознаго русскаго обвала привела в движеніе подземныя силы на Западѣ и Востокѣ. За эти годы западные публицисты усвоили истину, ставшую общимъ мѣстомъ: событія в Россіи поразили воображеніе рабочихъ масс и пробудили ихъ к неслыханной активності. Во всѣхъ странахъ низы жаждутъ переустроить жизнь по русскому образцу. Всѣ политическія и социальныя пертурбаціи в Европѣ вызваны попытками

повторить русский опыт или реакцией на эти разрушительные стремления.

В этом ходячем утверждении скрыты три погрѣшности: идеализация довоенной социальной устойчивости, игнорирование результата двадцатилѣтней русской революціи и переоцѣнка слѣпоты масс. Европа начала нынѣшняго вѣка была перенасыщена социальным недовольством. Для наших потомков предвоенные годы будут временем, когда явно обозначились окостенѣніе и вырожденіе капиталистическаго хозяйства и буйный рост сил, стремящихся к его измѣненію. Тресты, картели и синдикаты овладѣли промышленностью уже в началѣ 900-ых годов. Группы идеалистов-интеллигентов и фанатиков-полуинтеллигентов, писавших брошюры о социальной справедливости или научно доказывавших неизбежность перехода "из царства необходимости в царство свободы", превратились в большія и вліятельныя политическія партіи. Война лишь обострила и изуродовала давно намѣтившееся движеніе. Ленин поджег Россію в надеждѣ, что запыхает индустриальный Запад, созрѣвшій, по его мнѣнію, для социальной революціи и призванный ее осуществить. Стратегія Ленина оказалась ошибочной. Социальныя измѣненія пошли здѣсь совсѣм другими путями и с запозданіем на десятилѣтія. За это время произошло событіе, вся важность котораго до сих пор недостаточно учтена. Постепенно становились общим достояніем результаты двадцатилѣтняго русскаго опыта, разсѣивался окружавшій их туман переоцѣнки или предубѣжденій, они вырисовывались в своей реальной сущности и оказывали могучее вліяніе на "опыты" всего міра, от Канады и Соединенных Штатов до Испаніи. Через сто лѣтъ сбывается трагическое пророчество Чаадаева: "Мы живем как великій урок для отдаленных потомств, которыя воспользуются им не премѣнно..."

Принято думать, что только интеллигенція Запада в состояніи объективно оцѣнить русский опыт. Народныя массы воспринимают его импульсивно, воспаленным вооб-

раженіем, питаемым совѣтской ложью. Так было первые пять лѣтъ существованія совѣтской власти. Ложь очень могущественна, особенно, если опирается на желаніи быть обманутым и на искаженныя разстояніем контуры. Но разстояніе постепенно теряло свои затушевывающія свойства и все виднѣе становилась реальная дѣйствительность.

В концѣ двадцатых годов тысячи нѣмецких мастеров и рабочих, завербованных совѣтской властью, вернулись на родину. Они не попрекали московскую власть за измѣну подлинному марксизму или программному социализму — это их мало занимало, но они утверждали, что рабочій в Россіи очень плохо ѣст, живет в труппах, ходит оборванный, много работает и не может вліять на улучшеніе своего положенія; что в тюрьмах сидят и рабочіе; что атмосфера мастерских и цехов пропитана страхом потаеннаго предательства и соглядатайством; что на заводских собраніях нѣмецких рабочих публично жалѣли; ими-де правят “предатели-социалисты совмѣстно с католиками”, а не свои же братья-рабочіе; но при личных встрѣчах с горькой завистью говорили о положеніи нѣмецких рабочих на родинѣ и чужбинѣ. Что-то порочное было, по их мнѣнію, в русском опытѣ и шел он не надлежащими путями. Замѣчательно, что глубокое разочарованіе в русском социалистическом строительствѣ не вызывало у них идеализаціи капиталистической системы: увѣренность в ея обреченности получила на Западѣ силу народнаго предрасудка.

С тѣх пор прошло еще одно десятилѣтіе. В самой Россіи революція выдыхалась, теряла свой динамизм, покрывалась пеплом и перегаром. В бурлящей Испаніи кануна гражданской войны были представлены двѣ Россіи: Россія начала революціи — в лицѣ троцкистов и Россія через двадцать лѣтъ послѣ октября, Россія сталинская с ея всеобъемлющей нищей и унылой государственной казармой. Довѣренный Москвы консул Антонов-Овсѣенко оказался сторонником твердой государственности, единаго командованія и изгнанія из арміи всякой политики.

Все это в конце портит аналогію с 1873 годом. Искажает ее и то, что совсѣм молодой испанскій индустріальный капитализм, развившійся во время и послѣ войны и всосавшій многомилліонныя государственныя субсидіи в період диктатуры Примо де Ривера — отравлен ядом монополій и, как вездѣ в мірѣ, лишен влекущаго пафоса строительства. И наконец, городская молодежь и обездоленные средніе классы не умирают как их дѣды на баррикадах только за “братство, равенство и свободу” в их выдохшейся яacobинской утеравшей для них соблазна и пафос отвлеченности.

ГИДАЛЬГО И ХУНТЕРО.

В момент провозглашенія республики 1931 года всѣ группы населенія одинаково ждали от новой власти выполненія своих вождѣльній. Республика оздоровит хозяйственную структуру страны, вытѣснит из промышленности хищный иностранный элемент и даст широкую возможность отечественному капиталу участвовать в разработкѣ богатых испанских мѣдр. Безработная интеллигентная молодежь — инженеры, врачи, юристы найдут приложеніе своим силам, независимо от происхожденія и связей. В офицерском корпусѣ перестанет царить протекція и nepотизм, исчезнет взяточничество в интенданствѣ и станут невозможными позорнѣйшіе провалы колониальных походов. Республика интенсифицирует сельское хозяйство, и огромныя имѣнія, дававшія при первобытных методах обработки убыток, начнут приносить владѣльцам доход. Республика націонализирует добывающую и военную промышленность, банковское дѣло и отдадет рабочему на заводѣ то мѣсто, какое заслуживает занимать создатель прибавочной стоимости; публичная власть есть лишь переходный этап к социализации всего народнаго хозяйства. Республика раздѣлит всю землю на мелкіе надѣлы и раздаст их в

вѣчную и неотъемлемую собственность голодным батракам и нищим арендаторам. Республика воскресит быдую творческую мощь Испаніи и вернет ей великодержавіе в области духа и матеріальных цѣнностей. Испанская республика первая подготовит осуществленіе соціального равенства, гармонично слитаго с абсолютной индивидуальной свободой, создав вольныя коммуны в безвластном государствѣ...

Умиляющая тишина безкровных революцій, впоследствии кажущаяся злобщей, не есть покой завершения или равновѣсія. Порочность переворота без сопротивления заключается во временной увѣренности противоположных и враждебных теченій, что настал час безболѣзненной реализаціи их чаяній. Как только эта увѣренность падает, за завѣсой неустойчивой тишины и непрочнаго порядка начинают пакапливаться гнѣвъ и нетерпѣніе. 28-го Іюня 1931 года, в день выборов в учредительное собраніе царило еще праздничное настроеніе первых дней революціи.

По испытанной традиціи всѣх испанских переворотов первым актом учредительных кортесов было изгнаніе іезуитов. За послѣдніе полтора ста лѣтъ іезуиты навсегда изгонялись из Испаніи восемь раз: один раз королем (Карлом III в 1767 г. с преданіем смертной казни тѣх, кто рѣшился бы выступить в их защиту) и семь раз революціонными правительствами. Как и в былыя времена, рѣшеніе это было принято общественным мнѣніем с глубоким удовлетвореніем: закон должен был предотвратить эксцессы и был первым шагом к отдѣленію церкви от государства. Ускоренным темпом вырабатывались новые основные законы и обсуждались проекты соціальных реформ. Но и этот темп казался массам слишком медленным. Уже в декабрѣ 1931 года одновременно с принятіем новой радикальной конституціи пришлось вооруженной силой подавлять рабочіе беспорядки в Гихонѣ, гдѣ были убитые и раненые. В августѣ же 1932 года возстал генерал Санхурхо.

Быстро подавленный военный бунт имѣл своимъ слѣдствіемъ рѣзкую перемену тактики элементовъ, враждебныхъ новой власти. Традиціонное пронунціаменто в защиту “вѣры и короля” явно не встрѣчало больше сочувствія в самыхъ консервативныхъ кругахъ крестьянства. Год былъ не 1873-й. Рѣшено было стать в уровень с вѣкомъ и сочетать социальный радикализмъ с политической реакціей. Была сдѣлана смѣлая ставка на безземельнаго “хунтеро”. СЕДА — (Confederación Española de Derechas Autónomas) — исполнительная конфедерація правыхъ автономныхъ организацій — развила широкую пропагандистскую и организаціонную дѣятельность под руководствомъ Хила Роблеса. Этотъ, не лишенный энергии и таланта политическій дѣятель, учелъ не только атмосферу эпохи социальной реформаціи, но и специфическія особенности Испаніи, которыя заслуживаютъ особаго вниманія.

Величественная и мрачная исторія Испаніи, слишкомъ длительный застой послѣ срыва великодержавія и отсталость социальной структуры имѣли особыя психологическія послѣдствія—Испанія не успѣла стать буржуазной по духу. Побѣда третьяго сословія, вложившая новое содержаніе в пониманіе назначенія человѣка, его долга, чести и связи с другими людьми, меньше всего повліяла на культуру Испаніи. Свообразная психологическая “отсталость” испанскаго народа оказываетъ значительное вліяніе на процессъ его “соціального линіянія”. Бытовые отношенія, идеалъ общезжитія, мѣра человѣческаго достоинства — цѣлкомъ покоятся на былыхъ рыцарскихъ традиціяхъ. Испанія аристократична в быту, в школѣ, в искусствѣ. Ошибочно было бы думать, что умирающее дворянство передало часть своихъ традицій (далеко не худшихъ) лишь примыкающимъ к нимъ верхнимъ слоямъ буржуазіи. Аристократическое міроощущеніе свойственно и безземельному батраку и каталонскому рабочему. В немъ кроются презрѣніе къ примату накопленія (испанская “безпечность”), психологическая затрудненность пріятія и освоенія компромисса (испанская “гордость” и “нетерпи-

мость”), высоко развитый эстетическій критерій и особое пониманіе “вѣрности” (заставляющее до конца выполнять раз принятое на себя обязательство, даже, когда его выполнение становится явно бессмысленным и вредным). Буржуазное сознаніе пришло в Испанію слишком поздно и не в формах суроваго пуританства с культом семьи, религіи, строгой моралью и внутренней отвѣтственностью за всякое дѣло, которое Бог вручил данному человѣку. Сознаніе это проникло в Испанію в его поздних упадочных романских формах со скептицизмом и индивидуальным культом комфорта и повседневной полезности, ради которых оправдан всякій оппортунизм. Испанская интеллигенція не успѣла и не могла “обуржуазиться”. Ея радикализм питался отталкиваніем от “мѣщанства”, эстетическим его осужденіем. Соціальный экстремизм, взошедшій на дрожжах чистой эстетики и аристократической брезгливости, пугал хозе Ортега и Гассета, который не без основанія видѣл в этом тревожный признак политической неустойчивости страны. Испанскій народный учитель, статистик, агроном, студент, член литературнаго клуба или лѣвый депутат кортесов были по существу безземельными гидальго которым тѣсно и неуютно в рамках мѣщанскаго быта .

Англичапе, заявивіеся теперь исторіей испанских революцій, с изумленіем открыли, что зачинателями самых крайних теченій в рабочем движеніи были представители древних аристократических родов. Пи-и-Маргаль, ученик Прудона создал теорію крайняго фѣдерализма, сливающагося с анархизмом. Во время революціи 1873 г. он кратковременно был президентом. Занятый государственными дѣлами он все же находил время писать статьи, в которых доказывал, что “и республика есть насиліе и тиранія: человѣком нельзя управлять... всякое государство есть абсурд”... и т. п. Серрапо-и-Отейца положил начало испанскому анархо-синдикализму. Послѣ революціи 1931 г. главными пропагандистами московскаго коммунизма были владѣлец исторических замков, богатѣйшій магнат — Мигуэль Та-

рамона и Родриго Соріано Барозто Альдамар, имѣющій нѣсколько титулов и генеологическое дерево, корнями уходящее в эпоху реконкиссты. Этот тонкій знаток миниатюр и известный коллекціонер нѣсколько раз ѣздил в Россію, гордился дружбой с сановниками Кремля и написал множество книг о совѣтских достижениях. В прессу не проникло сѣдѣній, гдѣ находятся сейчас апостолы русскаго коммунизма и их коллекціи.

В Учредительном собраніи были 291 лѣвый республиканец, 116 социалистов и 60 представителей правой оппозиціи. Большинство состояло из молодых трудоспособных людей, полных лучших намѣреній. Их взгляды формировались под вліяніем т. н. "поколѣнія 98 г." и происходящаго теперь во всем мірѣ социальнаго лияннія. Это внесло нѣкоторую двойственность в их души. В 1898 г. Испанія послѣ безславной войны с Соединенными Штатами лишилась послѣдних заокеанских владѣній. В испанской исторіи военныя пораженія были всегда эпохами государственной встряски и общественнаго пробужденія. И в данном случаѣ катастрофа вызвала переоцѣнку прошлаго. Появилась плеяда талантливых философов, публицистов, писателей, проповѣдывавших реформу быта, управленія и школы. Возникла мощная тяга к "европеизаціи" Испаніи. Литература разоблачала прошлое и "оправдывала" торговлю, промышленность, накопленіе. Дерзостно доказывались ложь и вредоносность идеализаціи Дон-Кихота. При благоприятных условіях это по существу здоровое и демократическое теченіе дѣйствительно опростило бы Испанію и б. м. дало бы ей благополучіе и устойчивость, тѣм болѣе, что впоследствии міровая война создала для этого и матеріальныя предпосылки: золотой запас государственнаго банка достиг в 1920 г. 2-1/2 миллиардов цезет. Но послѣ войны "мѣщанская" Европа перестала быть соблазняющим примѣром органической прочности и здороваго развитія. Швы нѣкогда устойчиваго и мощнаго корабля трещали и расходились. Его трепало бурей, ея шум доходил в Испанію и будил в

душах інтелігенціі заглохшія было настроенія. Члены учредительных кортесов хотѣли уничтожить остатки феодализма и сдѣлать Испанію страной буржуазнаго благополучія. вмѣстѣ с тѣм — как это ни звучит парадоксально — Испанія должна была стать трудовой социалистической республикой, открывающей новые пути другим народам. В этой двойственности таилась слабость новой власти, широко использованная врагами демократіи справа и слѣва. И тѣ и другіе искали опоры у хунтеро.

Хунтеро — испанскій безземельный крестьянин, имѣющій собственную запряжку мулов. Со своей семьей он переходит из имѣнія в имѣніе в качествѣ батрака или мелкаго арендатора. Испанія страна латифундій и майоратов. Только 45 % всей площади страны пригодно для земледѣлія. При низком уровнѣ сельскохозяйственной культуры и частых засухах урожайность очень низка. Большинство крупных имѣній в арендѣ у посредников, в свою очередь сдающих землю очень мелкими участками. Хунтеро — самый обездоленный, голодный и нищій крестьянин Европы: его жилище — шалаш крытый соломой, питаніе — похлебка на оливковом маслѣ. При высоком коэффициентѣ рождаемости за послѣдніе 30 лѣт наблюдался катастрофическій рост аграрнаго перенаселенія, ставшаго социальной язвой современной Испаніи. Среди хунтеро 70 % неграмотных. К горожанам они относятся с недоверіем и враждой. Попытки засыпать ров между хунтеро и городским интеллигентом — человѣком для него безконечно чуждым, почти иной породы — стали давать результаты лишь в самые послѣдніе годы. Тѣм не менѣ в психологіи хунтеро и гидальго есть нѣчто общее, их объединяющее: как и интеллигенты из безземельных дворян, хунтеро презирают торговлю и занятія горожан считают паразитарными. В их средѣ в четырех поколѣніях прочно держалась легенда о королѣ богобоязненном и добром, справедливом рыцарѣ, защищающем земледѣльца и преслѣдующем ростовщиков. Хунтеро вынесли на своих

плечах всю тяжесть карлистских войн, неизменно превращая их в жакерии.

С 1932 г. исполнительная конфедерация автономных правых организаций (СЕДА) модернизировала свою программу: в нее были внесены все обещания крестьянам, сделанные Муссолини и Гитлером до их прихода к власти. От итальянского и немецкого фашизма программа отличалась пламенным призывом защищать религию и ее служителей. Когда в конце 1933 г. ушел в отставку кабинет Азапы и были назначены новые выборы, к которым были допущены впервые женщины, СЕДА одержала на выборах блестящую и никем непредвиденную победу. Правые получили 212 мѣст, из них 114 принадлежало СЕД'ѣ. Хунтеро отдали голоса СЕД'ѣ.

В октябрѣ 1934 г. Хил Роблес вошел в министерство Лерру. Одновременно Каталония провозгласила свою независимость и началась всеобщая забастовка, перешедшая в Астурія в вооруженное возстаніе. Крестьянство ждало выполнение обещаний СЕД'ы и поддерживало власть в ее борьбѣ с возставшими. Возстаніе было потушено в крови, покорилась и Каталонія. Успѣх окрылил правых. Была объявлена амнистія участникам военного бунта, поднят вопрос о конкордатѣ и о возвращеніи имущества иезуитам. Все законодательныя предположенія о надѣленіи крестьян землей были сняты с очереди. Это был лучший дар, какой Хил Роблес мог сдѣлать лѣвой оппозиціи. Алкала Замора при очередном министерском кризисѣ отказался поручить составить кабинет представителю праваго большинства. Кортесы были распущены. На этот раз хунтеро шли на выборы под лозунгом "город снова обманул"! 16-го февраля 1936 г. народный фронт получил 259 депутатских мѣст из 473. Разочарованіе хунтеро в СЕД'ѣ широко использовали анархисты: никакая власть ни правая, ни лѣвая земли дать не может. Ее нужно брать самим. Почти во всей Андалузіи крестьянскія организаціи с необычайной быстротой и легкостью в полном составѣ переходили от СЕД'ы к анархи-

стам. Правительство лихорадочно проводило аграрную реформу. 193.000 га земли были уже распределены между 52.000 хунтеро. Намечалась передача в ближайший год еще 300.000 га.

Но сказывалось неотвратимо историческое запоздание. Под руководством анархистов и коммунистов шел стихийно и безудержно черный передѣл. На ряду с этим анархисты и коммунисты перешли в городах к прямому дѣйствию — индивидуальному истребленію “врагов народа и рабочего класса”. Положеніе правительства было исключительно трудным. “В нашей странѣ, — сказал в парламентѣ Азая, — происходят событія, невозможныя ни в каком другом европейском государствѣ. Это потому, что элементы в высшей степени передовые должны править и дѣйствовать среди варварства и отсталости 12-го вѣка... Несчастье Испаніи в том, что у нея вышел 19-ый вѣк, которым исторія одарила другіе европейскіе народы... Мы должны сразу перешагнуть из вѣка феодализма, сословных привилегій и господства дворянства в новую эпоху, в которой организующую роль должен сыграть пролетаріат. Ни одна страна никогда не находилась в таких трудных условіях. Но у нас есть воля к их преодоленію и время...”

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Времени не было. В странѣ создавалась та неуверенность в завтрашнем днѣ, то ощущение безвластія, которыя являются питательной средой для политических авантюръ. Уже давно велись переговоры между эмигрировавшим генералом Санхурхо и партийными центрами Германіи об угрожающем Испаніи коммунизмѣ и способах эту опасность предотвратить. Одновременно страну объѣзжали коммисіи из Москвы для опредѣленія мѣры сопротивляемости Испаніи угрозѣ фашизма. Республканское правительство и правительство Франко опубликовали теперь серію доку-

ментов, освѣщающихъ подготовительный періодъ гражданской войны. Нѣмецкіе и совѣтскіе планы сходились в одномъ: спасеніе в диктатурѣ, отмечающей всякое проявленіе воли населенія. Разница была лишь в томъ, что интересы Германіи простирались также на мѣдные и желѣзные рудники и стратегическіе пункты на французской границѣ и средиземноморскомъ побережьи. Офицерскія хунты проявляли лихорадочную дѣятельность.

В Испаніи все своеобразно. Особую стать имѣл и ея офицерскій корпусъ. Ни одна армія міра не имѣла такого огромнаго количества офицеровъ. Объяснялось это двумя причинами. Объединѣнное дворянство не имѣвшее возможности отдавать дѣтей в среднія учебныя заведенія отсылало ихъ в кадетскіе корпуса, гдѣ обученіе и содержаніе были для дворянъ безплатны. Открытіе новыхъ военныхъ школъ и увеличеніе вакансій в старыхъ всегда разсматривались какъ способъ облегчить положеніе разореннаго дворянства. Вмѣстѣ с тѣмъ офицерство играло большую политическую роль в странѣ. Традиція вмѣшательства офицеровъ во внутреннюю политику восходитъ къ легендарному герою испанской исторіи артиллерійскому капитану Педро Веларде, создавшему первую хунту для сопротивленія Наполеону. Производство в офицеры часто диктовалось чисто политическими причинами. Уходу Примо де Риверо предшествовала негласная анкета среди офицеровъ, отказавшихъ ему в поддержкѣ. Азанья в 1931 г. добился сокращенія числа офицеровъ с 22.000 до 9.000, но за тѣмъ ихъ количество снова возросло. За послѣднее десятилѣтіе среди младшихъ офицеровъ происходило разслоеніе. Они были родными братьями тѣх же безземельныхъ гидальго, которые, поступая в университетъ считали зазорнымъ не числиться в социалистическомъ объединеніи. К моменту переворота среди летчиковъ и артиллеристовъ было много представителей крайнихъ партій.

“Хунта возрожденія”, готовила переворотъ с 1935 г. Было произведено соответствующее распределеніе гарнизона по испанскимъ городамъ. В ночь с 17 на 18 іюля 1936 г. вся

Испанія должна была оказаться в руках возставших генералов. Но впервые за исторію безчисленных пропусціаментов во множествѣ казарм солдаты отказались повиноваться офицерам. В манежах, полигонах, на казарменных дворах произошли жуткія сцены. В нѣкоторых полках был перебит почти весь командный состав. Безкровным переворот был лишь в испанском Марокко. Все же с первых же дней в руках возставших оказались часть баскских провинцій, Галисія, Леон и Старая Кастилія.

Здѣсь излишне описывать ход гражданской войны: она происходит у нас на глазах и далека еще от завершения. Интереснѣе прослѣдить ея основныя тенденціи. С момента, когда правительство рѣшилось на героическую мѣру и распустило всю армію и полицію, отвѣтственность за исход борьбы легла на крайнія партіи и рабочіе синдикаты, организовавшіе милицію. Власть правительства стала номинальной.

Заслуживает вниманія медленный процесс перегруппировок в рабочей средѣ. Здѣсь рѣшающее вліяніе оказали результаты русскаго опыта. Иберійская анархистская федерация и анархо-синдикалистскіе рабочіе союзы в своей агитаціи опирались на реальную угрозу коммунистической диктатуры, самой страшной формы государственной власти. Лозунг борьбы с грядущим диктаторским режимом привлек к анархистам в рабочей и крестьянской средѣ элементы им до сих пор совершенно чуждые. Соціалистическая партія с очень высоким составом интеллигенціи во главѣ с Индалезіо Пріето оказалась между двух огней: коммунисты требовали фактическаго введенія диктатуры за фронтоном номинальной демократіи; троцкисты же в тѣснѣйшем контактѣ с анархистами боролись всѣми средствами против попыток создать подобіе центральной и мѣстной власти, обладающей реальной силой. Мѣстныя правительственныя учрежденія всячески дискредитировались и разлагались. Испанія первых мѣсяцев гражданской войны представляла собой конгломерат независимых друг от

друга правительств, охваченных лишь желѣзным кольцом страха быть истребленными повстанцами. Если бы возстаніе был подавлено в первые же мѣсяцы гражданской войны, мы несомнѣнно присутствовали бы при второй гражданской войнѣ, еще болѣе кровавой и жестокой.

Война затянулась. Възшателство Италіи и Германіи измѣнило ея пути. Постепенно происходят измѣненія в республиканском лагерѣ. Давно пали на полях сраженій или были разстрѣяны самые искренніе и отважные сторонники вольных коммун. Представители Москвы уже не в качествѣ партійных коммунистов, а в роли уполномоченных державы, снабжающей страну аэропланами и оружіем, добились дипломатическим давленіем почти полного прекращенія дѣятельности троцкистов. Осталась самая странная разновидность иберійско-анархистской федераціи — ея переполненная уголовными элементами тыловая армія, контролирующая власть и призванная пресѣчь всякую попытку “предательства”. По прежнему анархистская пресса цитирует совѣтскія газеты в доказательство исполняющагося пророчества Бакунина: “Если пролетаріат будет господствующим сословіем, то над кѣм он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетаріат, который будет подчиненъ этому новому господству?.. И во что превратится пролетаріат, возведенный в господствующее сословіе? Неужели весь пролетаріат будет стоять во главѣ управленія?...” По ироніи судьбы тѣнь Бакунина является теперь в Испаніи главным врагом преемников Ленина, который у Бакунина так много заимствовал. Рабочіе и батраки, состоящіе в анархистских объединеніях находятся в двойственном положеніи: их отталкивает анархистскій террор, чисто уголовные приемы обращенія с населеніем, вѣчная угроза расправы с покидающими партію “предателями” и невольное содѣйствіе врагу на фронтѣ. Въместѣ с тѣм в других рабочих партіях им мерещится тѣнь “тогалитарности”, они увѣрены, что в час побѣды социали-

сты окажутся бессильными перед сторонниками пролетарской диктатуры.

Социальный опыт Испании вскрывает интересные явления: страны феодально-социалистическія, с аристократическим стилем культуры, гдѣ по выраженію Азани, "12-тый вѣк подает руку 30-ым годам 20-го вѣка", легко взрывают старый социальный уклад, но онѣ совершенно бессильны рационально построить новый.

Борьба кончается или побѣдой фашизма или введеніем примитивнѣйшаго варварскаго социализма, неспособнаго выполнить основной своей задачи — матеріально раскрѣпить человека. Эту задачу выполнят страны сложнаго и развитога хозяйства с высоким уровнем матеріальной культуры, "страны, имѣвшія 19-ый вѣк".

С. САВЕЛЬЕВ.